

Минуту пират и я молча, не двигаясь, глядели друг на друга. Затем жестокая усмешка искривила его красивые губы, черная рука показалась из-за края палубы и холодное дуло пистолета, коснулось моего лба. Я схватил свободной рукой чернокожего за горло и судорожно сдавил его. Пират прохрипел чуть слышно:

- Умри, проклятый жрец! - и нажал курок...

Пистолет дал осечку.

Я так стремительно рванул его на борт палубы, что он выронил пистолет и ухватился обеими руками за перила. Я продолжал сжимать ему горло со всей силой. Наша борьба была жестока и молчалива. Он пытался освободиться от моей хватки, а я старался столкнуть его за борт палубы.

Его губы приняли мертвенный оттенок, глаза выскакивали из орбит. Он понимал, что умрет, если не вырвется из стальных пальцев, которые душили его. Сделав последнее усилие, он откинулся назад на палубу и, не держась за перила, принялся бешено отрывать мои пальцы от своей шеи. Я воспользовался этим и сильным движением перетянул врага через перила. Он чуть не оторвал меня своей тяжестью от якорной цепи, за которую я цеплялся одной рукой.

Я не выпускал его горла; зная, что его крик навлечет на меня месть всех его товарищей. Я продолжал крепко держать его и душил все сильнее, в то время он тянул меня все ниже и ниже к краю якорной цепи.

Но постепенно судорожные движения становились все реже и наконец прекратились. Тогда я отпустил его, и через мгновение он полетел во мрак.

Я снова вскарабкался наверх. На этот раз мне удалось взобраться выше и заглянуть через борт. Ближний месяц скрылся за горизонтом, но при блестящем свете дальнего месяца я увидел на палубе резкие силуэты шести или восьми спящих чернокожих. Около пушки съежилась молодая белая девушка, крепко связанная. Ее глаза устремились на меня с выражением страха и изумления, когда я показался из-за борта.

Но когда ее взгляд упал на священный камень, сверкавший в завоеванной мною диадеме, выражение ужаса сменилось несказанным облегчением. Она, молча, глазами, указала мне на спящие фигуры.

- Я бесшумно перебрался на палубу. Девушка подозвала меня кивком. Я низко склонился над ней, и она шепотом попросила освободить ее.

- Я смогу помочь тебе, - сказала она. - Тебе пригодится всякая помощь, если они проснутся!

- Некоторые из них проснутся в Корусе, - ответил я, улыбаясь.

Она поняла значение моих слов и ответила такой злобной улыбкой, что привела меня в ужас. Жестокость не поражает на безобразном лице, но когда она появляется на лице богини, чьи черты кажутся воплощением любви и добра, то контраст получается ужасающим.

Я быстро освободил ее.

- Дай мне пистолет, - шепнула она торопливо. - Я пущу его в ход против тех, кого твой меч вовремя не успокоит.

Я исполнил ее просьбу. Теперь мне предстояла неприятная задача: напасть на спящих. Но эти чувства были совсем некстати, да и не оценены этими свирепыми демонами.

Крадучись, я подошел к ближайшему спящему незнакомцу. Когда он проснулся, то был уже на пути в озеро Корус. Его пронзительный крик слабо долетел до нас из черной глубины.

Второй проснулся от прикосновения моих рук и, хотя я успел сбросить его с палубы, но его длинный тревожный крик поднял на ноги остальных пиратов. Их было пятеро.

Пистолет девушки затрещал, как только они поднялись, и один из них упал замертво на палубу. Остальные, обнажив мечи, с бешенством накинулись на меня. Девушка, боясь ранить меня, не стреляла, но я видел, как она осторожно, по-кошачьи, подбиралась к нападающим сбоку.

Наш короткий бой был страшен. На тесной палубе негде было развернуться. Приходилось стоять на месте, принимать и парировать удары, почти не двигаясь. Вначале я больше отбивался, чем нападал, но вскоре мне удалось поразить одного из них, и он упал на палубу.

Оставалось трое, но девушка почти достигла места, откуда она могла бы уменьшить их число, по крайней мере, еще на одного. Затем все произошло с такой поразительной быстротой, что я даже теперь не могу понять, как это могло случиться в такой короткий миг.

Все трое бросились на меня с явным намерением перебросить через перила. Вдруг девушка выстрелила: в ту же минуту я сделал два движения правой рукой, вооруженной мечом. Один из чернокожих упал, пронзенный лучом, у другого я выбил меч из руки, и он со звоном ударился о перила и упал в пропасть; третий враг свалился, пронзенный моим мечом, которым я насквозь проткнул ему грудь, но, падая, он увлек за собой и мой меч.

Я остался обезоруженным лицом к лицу с последним – тоже обезоруженным врагом, меч которого лежал где-то внизу, на дне мертвого озера.

Новые условия борьбы, казалось, были ему по вкусу. С радостной улыбкой, открывавшей его блестящие зубы, бросился на меня. Большие мускулы, перекачывавшиеся под его черной, лоснящейся кожей, давали ему уверенность в легкой победе. Он, не нашел нужным прибегнуть к кинжалу.

Я подпустил его совсем близко к себе. Затем пригнулся под его вытянутой рукой и отскочил на шаг в сторону. Повернувшись на левой ноге, я правым кулаком нанес ему оглушительный удар в челюсть, и он, сраженный, как бык, рухнул на палубу.

Тихий серебристый смех раздался позади меня.

– Ты не жрец, – сказал нежный голосок моей спутницы, – несмотря на твои золотистые локоны и украшения Сатор Трога. Никогда еще не было на всем Мусрабе человека, который мог бы так сражаться! Кто ты такой?

– Я Алекс, – член семьи Тардос Морса, джеджака Гелиума, – ответил я. – А кому я имел честь услужить?

Она с минуту колебалась, прежде чем ответить и еще раз спросила меня:

– Ты не жрец? Ты враг жрецов?

- Я пробыл в их владениях всего полтора дня. Все это время моя жизнь подвергалась постоянной опасности. Меня преследовали и мучили. На меня выпускали диких зверей и вооруженных воинов. У меня не было никаких конфликтов со жрецами до этого времени, но можешь ли ты удивляться, если я не чувствую к ним теперь большой любви?

Несколько минут она пристально смотрела на меня. Казалось, она хотела проникнуть в самую глубину моей души, чтобы составить себе понятие о моем характере.

По-видимому, результат удовлетворил ее.

- Я Файдора, дочь Матаи Шанга, Отца святых жрецов, владыки над жизнью и смертью на Мусрабе, брата Иссы, богини вечной жизни.

В эту минуту я вдруг заметил, что чернокожий, которого я свалил кулаком, начал проявлять некоторые признаки жизни. Я подскочил к нему, сорвал с него ремень, скрутил ему руки за спину, связал ноги и привязал к пушечному лафету.

- Почему так сложно? - спросила Файдора, удивленно подняв брови.

- Я не понимаю! Что кажется тебе слишком сложным? - спросил я.

Слегка пожав прекрасными плечами, она жестом руки указала, что пленника следовало бы выбросить за борт.

- Я не убийца, - ответил я. - Я убиваю только защищаясь.

Она удивленно посмотрела на меня и покачала головой. Она не могла понять!

Ведь даже моя любимая Дея Торис считала, что моя политика по отношению к врагам полна безрассудства. На Мусрабе не знают пощады. На этой умирающей планете каждый убитый означает известную долю экономии иссякающих жизненных средств в пользу живых.

Но между жестоким взглядом этой девушки на убийство врага и нежным сожалением Деи Торис о суровой необходимости этой меры была некоторая разница. Мне казалось, что Файдора не столько опасалась оставить врага в живых, сколько жалела о том, что не испытывает радостного возбуждения от созерцания его страданий и смерти.

Связанный чернокожий пришел в себя. Взор его пристально следил за нами. Он был хорошо сложен и прекрасен лицом. Глаза этого черного Адониса сверкали умом и отвагой.

Корабль медленно плыл над долиной; я подумал, что время взяться за руль. О расположении долины Дор я мог догадываться только приблизительно. Судя по созвездиям, она находилась далеко на юге от экватора, но я недостаточно знал таранскую астрономию, чтобы ориентироваться точнее, не имея тех великолепных карт и инструментов, с помощью которых я управлял кораблем в бытность мою командиром гелиумского воздушного флота.

Все же курс на север быстрее всего должен был привести меня в более населенные местности Тары, и я решил держаться этого направления. Под моим управлением крейсер плавно развернулся. Нажав кнопку, регулирующую отталкивающую силу, и, поставив рычаг на самую большую скорость, мы помчались к северу, поднимаясь все выше и выше над страшной долиной смерти.

Мы проносились на головокружительной высоте над узкой полосой владений жрецов, а

огненные вспышки далеко под нами свидетельствовали о жестокости битвы, все еще свирепствовавшей. Шум борьбы не долетал до нас. На той огромной высоте, на которой мы находились, звуковые волны не могли проникнуть сквозь разреженную атмосферу.

Становилось страшно холодно. Дышать было трудно. Глаза девушки и черного пирата были устремлены на меня. Наконец девушка заговорила:

- На такой высоте часто теряешь сознание. Если ты не хочешь смерти для всех нас, то лучше спустись.

В голосе ее не было страха. Она произнесла это также просто и спокойно, как если бы сказала: «Лучше взять зонтик, будет дождь».

Я быстро снизил корабль. Сделать это было пора: девушка уже лишилась чувств, и чернокожий тоже был без сознания; я сам держался, вероятно, только за счет силы воли. Тот, на ком лежит вся ответственность, всегда в состоянии выдержать больше.

Мы поплыли низко над холмами Оца. Тут было намного теплее – и так легко дышалось! Очень скоро и чернокожий, и девушка пришли в себя.

- Мы были на волосок от гибели, – сказала она.

- Но это научило меня двум вещам, – ответил я.

- Чему?

Я ответил, улыбаясь:

- Во-первых, тому, что даже Файдора, дочь владыки жизни и смерти, такая же смертная, как и я.

- Только в храме Иссы бессмертие, – ответила она. – А храм Иссы только для расы жрецов. Я никогда не умру!

Я заметил, как при ее словах на губах чернокожего мелькнула усмешка. Я не понял тогда ее значения. Я узнал это позже, как и она узнала это, и самым ужасным образом!

- Если и то, другое, чему ты научился, – продолжала она насмешливо, – столь же правильно, то поумнел ты ненамного!

- Другое – это то, – ответил я, – что наш черный друг не упал с нижней луны: он чуть не умер на высоте всего нескольких тысяч футов над Мусрабом. Если бы мы поднялись на пятьсот тысяч километров, которые лежат между Мусрабом и Турией, от него осталась бы одна ледяная сосулька.

Файдора с явным изумлением взглянула на чернокожего.

- Но если ты не с Турии, то откуда же? – спросила она.

Он пожал плечами, взглянул в сторону, но не ответил. Девушка гневно топнула своей маленькой ножкой.

- Дочь Матаи Шанга не привыкла, чтобы ее вопросы оставались без ответа, – сказала она. – Человек низшей породы должен почитать за честь, что член священной расы, которая

наследует вечную жизнь, удостаивает его своим вниманием.

Чернокожий снова улыбнулся той же загадочной улыбкой.

- Ксодар, датор перворожденных Мусраба, привык отдавать приказания, а не получать их, - произнес он наконец. А затем повернулся ко мне:

- Что ты хочешь делать со мной?

- Я хочу взять вас обоих в Гелиум, - сказал я. - Вам не сделают там никакого зла. Вы увидите, что красные люди Гелиума - великодушная раса! Надеюсь, что они послушают меня, и больше не будут предпринимать добровольных паломничеств к реке Исс. Надеюсь, что вера, которой они держались десятки веков, будет разбита.

- Ты из Гелиума? - спросила она.

- Я член семьи Тардос Морса, джеджака Гелиума, - ответил я, - но я сам не с Мусраба. Я из другого мира.

Ксодар пристально смотрел на меня несколько минут.

- Верю, что ты не с Мусраба, - сказал он, наконец. - Ни один человек этого мира не смог бы справиться один с восемью перворожденными! Но расскажи, почему, ты носишь золотые волосы и драгоценный обруч «святого» жреца?

При слове «святой», на которое он сделал ударение, в голосе его звучала ирония.

- Я и забыл о них! - ответил я. - Это моя военная добыча. - С этими словами я снял парик.

Когда чернокожий увидел мои коротко остриженные черные волосы, то глаза его раскрылись в изумлении. Очевидно, он все-таки ожидал увидеть плешивую голову жреца.

- Ты, действительно, из другого мира, - произнес пират, - и в тоне его послышалось благоговение. - У тебя кожа жреца, черные волосы перворожденных и мускулы, как у дюжины даторов! Даже для Ксодара не позор признать твое превосходство. Он никогда не сделал бы этого, будь ты мусрабец! - прибавил он.

- Теперь ты знаешь обо мне больше, чем я о тебе, - прервал я его. - Я знаю только, что твое имя Ксодар; но скажи мне, кто такие перворожденные, и что такое «датор», и почему ты бы не мог допустить, чтобы тебя победил мусрабец?

- Перворожденные Мусраба, - объяснил он, - это раса черных людей, а датор - это то же, что мусрабцы называют джедом. Моя раса самая древняя на всей планете! Мы ведем наш род прямо от древа жизни, которое росло в середине долины Дор двадцать три миллиона лет тому назад.

В течение этого времени плод дерева подвергался постепенным изменениям. Он совершенствовался, переходя от чисто растительной жизни к жизни, в которой смешивались элементы растительного и животного. На первых ступенях развития плод обладал только силой самостоятельных мускульных движений, в то время как стебель оставался прикрепленным к дереву. Позднее в плоде развился мозг, так что он, оставаясь висеть на длинных стеблях, уже думал индивидуально. Понятия развивались: появилось сравнение и суждение. Так на Мусрабе родился разум.

Проходили века. Много форм жизни появилось на древе жизни, и все они были прикреплены к прародительскому дереву. Наконец, из дерева вышли растительные люди – почти такие же, каких мы видим в долине Дор, но не такие крупные; они были прикреплены к ветвям дерева посредством стеблей, которые вырастали из макушек. Почки растительных людей походили на большие орехи, в диаметре величиной в три метра, и были разделены перегородками на четыре части. В одной части развивался растительный человек, в другой – шестнадцати ногий червь, в третьей – прародитель белой обезьяны и в четвертой – прародитель черного человека Мусраба.

Когда почка раскрывалась, растительный человек оставался висеть на своем стебле, но три другие части падали на землю. Каждая часть была в своей скорлупе, и заключенные в ней существа, стараясь освободиться, прыгали и скакали во всех направлениях.

Вскоре весь Мусраб покрылся этими орешками. В продолжение бесчисленных веков заключенные в них существа жили всю жизнь в твердой скорлупе, прыгая и перекачиваясь по всей планете, падая в реки, озера и моря.

Бесконечные миллионы умерли раньше, чем первый человек пробил стены своей темницы и вышел на дневной свет. Побуждаемый любопытством, он раскрыл другие скорлупы, и таким образом, началось заселение Мусраба.

В моей расе сохранилась незапятнанная чистая кровь этого первого черного человека. Мы никогда не смешивались ни с какими другими существами. От шестнадцатиногого червя, от белой обезьяны и от отступников чернокожих произошли на Мусрабе все формы животной жизни.

- Жрецы, – и при этих словах он насмешливо улыбнулся, – представляют собой только результат вековой эволюции от чистого древнего типа белой обезьяны. И они принадлежат к низшему порядку. Существует только одна раса настоящих бессмертных людей. И это – раса черных людей!

Древо жизни погибло, но до его смерти растительные люди сумели оторваться от него и теперь населяют Мусраб вместе с другими детьми первого родителя. Они двуполы, и поэтому могут размножаться наподобие настоящих растений, но в других отношениях они почти не усовершенствовались за все века существования. Их поступки и движения управляются инстинктом, а не разумом; мозг растительного человека немногим больше кончика нашего мизинца. Они питаются растениями и кровью животных. У них совсем нет чувства самосохранения, и поэтому они не знают чувства страха перед лицом опасности. Это делает их страшными противниками.

Меня вдруг поразило, почему чернокожий вздумал так подробно рассказать о происхождении жизни на Мусрабе. Казалось бы, что момент был самый неподходящий для гордого члена гордой расы – унижаться до разговора со своим победителем, тем более что он продолжал лежать связанным на палубе.

Но его взгляд, случайно перехваченный мною, объяснил мне, почему он старался овладеть всем моим вниманием, рассказывая свою действительно увлекательную историю. Он лежал немного впереди от того места, где я стоял у рычагов, и лицо его было повернуто в сторону кормы. Уже в конце его рассказа о растительных людях я поймал странный взгляд, устремленный на что-то позади меня. Я не мог не заметить торжествующего выражения, промелькнувшего через мгновение в его черных глазах.

За несколько минут перед тем я уменьшил скорость хода, так как долина Дор осталась на много километров позади нас, и чувствовал себя в сравнительной безопасности.

Недоброе предчувствие зашевелилось во мне. Я обернулся, и картина, представшая перед моими глазами, убила зародившуюся надежду на свободу. Огромный корабль без огней, бесшумно плывущий во мраке ночи, вырисовывался за кормой моего судна...

<http://tl.rulate.ru/book/23550/503722>